

13. Potapov L.P. A Short History and Ethnography Khakases (XVII–XIX you). Abakan, 1952, 217 p. (In Russ.)
14. Preobrazhenskiy A. Dictionary of Russian language. M.; L., 1949, 142 p. (In Russ.)
15. Anikin A.E. Etymological Dictionary of Russian dialects Siberia. Borrowing from the Urals, Altai and Paleo-Asiatic languages. M.; Novosibirsk, 2000, 778 p. (In Russ.)
16. Great Dictionary of the Russian language. St. Petersburg, 2000, 1536 p. (In Russ.)
17. Bakhrushin S.V. Scientific works. M., 1955, vol. III, part 2, 300 p. (In Russ.)
18. Report of Krasnoyarsk Eparchial Committee of the Orthodox Missionary Society for 1915. Krasnoyarsk, 1916, pp. 17–23.
19. Katanov N.F. Trip report, done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsky District Yenisei province. Kazan, 1897, 104 p. (In Russ.)
20. Lvova E.L. Materials for the study of ethnic history of Turkic languages according to the shamanistic cult. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [Origin of Siberia natives and their languages]. Tomsk, 1973, pp. 174–175. (In Russ.)
21. Dahl V. Explanatory Dictionary of Russian language. St. Petersburg; M., 1882, vol. IV, 714 p. (In Russ.)
22. Fasmer M. Dictionary of Russian language. M., 1987, vol. IV, 864 p. (In Russ.)
23. Novitsky G. Brief description of the Ostyak people. 1715. Novosibirsk, 1941, 108 p. (In Russ.)
24. Klements D.A. A note on tyusyah. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela IRGO* [Proceedings of the East Siberian department IRGO], 1892, vol. XXIII, N 4–5, pp. 23–35. (In Russ.)
25. Adriyanov A.V. Sketches of Minusinsk edge. Tomsk, 1904, 62 p. (In Russ.)
26. Yadrintsev M.N. Siberia as a colony. St. Petersburg, 1892, 720 p. (In Russ.)
27. Liutsidarskaya A.A. Witchcraft and magic in the life of the colonists Siberia XVII century. *Arkheologiya, Etnologiya i Antropologiya Evrasii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2007, N 4, pp. 124–129. (In Russ.)
28. Klements D.A. Minusinsk Switzerland and the gods of the desert (from the diary of a traveler). *Vostochnoe obozrenie* [Eastern survey], 1884, N 5, pp. 7–9. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.03.2015

УДК 398.3+398.4+81.411.2

О.К. АНСИМОВА, О.В. ГОЛУБКОВА*

ДУХИ ЛЕСА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЯХ: НОВОЕ РЕШЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Ольга Константиновна Ансимова
канд. филол. наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет
630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
e-mail: ansimova-ok@yandex.ru
Ольга Владимировна Голубкова,
канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17
e-mail: olga-11100@yandex.ru

Лесные духи (*леший* и прочие) относятся к пласту древнейших верований русского народа. Фольклорные и этнографические источники характеризуют *лешего* как хозяина леса, оберегающего свои уголья, способного менять свой облик. В современных словарях лингвокультуры мы не нашли словарной статьи *леший*. Мы предлагаем лексикографическую интерпретацию, используемую в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации. Совокупность этнографического, фольклорного и лингвистического материалов при комплексном подходе поможет определить степень изменения мифологических образов, характерных для традиционной культуры, и выявить их роль в картине мира русского народа. Основываясь на результатах опроса и полевых этнографических материалах, мы сформировали словарную статью *Леший*, отражающую современные представления носителей языка и русской лингвокультуры об этом мифологическом персонаже.

Ключевые слова: лесные духи, леший, народные верования, славянская мифология, фольклор, традиционная культура, словарное описание, лингвокультурная грамотность, лексикография.

O.K. ANSIMOVA, O.V. GOLUBKOVA

A LEXICOGRAPHICAL SOLUTION FOR FOREST MYTHOLOGICAL CREATURES DESCRIPTION IN THE RUSSIAN FOLK BELIEFS

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-50-00036.

Olga K. Ansimova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language Department
Novosibirsk State Technical University
20 Karl Marx Av., Novosibirsk, 630073
e-mail: ansimova-ok@yandex.ru

Olga V. Golubkova

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Ethnography Department
Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS (IAE SB RAS)
17 Akademician Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090
e-mail: olga-11100@yandex.ru

Forest spirits (*Leshy* and others) belong to the set of ancient beliefs of Russian people. Folklore and ethnographic sources, including modern materials, characterize *Leshy* as a master of Forest, who protects his lands making people ramble in the woods, loves jokes and can change his appearance.

Images of *Leshy* are almost identical in Siberia and European part of Russia. According to present knowledge it is more correct to speak about transformation of *Leshy*'s image due to changing cultural environment and mentality. However, a recent survey (317 questionnaires) conducted among urban citizens of different age and professional groups revealed that modern citizens not only easily answered the question "Who is *Leshy*?", but were able to list many of its "traditional features".

The authors note that although modern dictionaries of Linguoculture should explain semantics of such lexical unit as "*Leshy*" (as it plays a significant role in the Russian culture) such entries are lacking in them. The authors propose their lexicographical interpretation as a new method of linguo-cultural fixation of ethnographical information. The same method is used in the dictionary of linguo-cultural literacy dictionary that is being constructed. The dictionary entry reflects everyday values, most relevant to native speakers, as well as a set of ideas associated with these linguistic units.

The integrated use of ethnographic, folklore and linguistic materials helps to determine the degree of variation of mythological images typical of traditional culture and to identify their role in the Russian people's worldview. Based on the survey results and field ethnographic materials, the authors have formed the dictionary entry "*Leshy*" reflecting the modern vision of this mythological creature shared by the native Russian speakers in the context of contemporary linguoculture.

Key words: forest spirits, *leshy* (wood goblin), folk beliefs, Slavic mythology, folklore, traditional culture, verbal description, linguocultural literacy, lexicography.

С лесом и его мифическими обитателями связано немало сказок и сюжетов несказочной устной прозы. Лесные духи относятся к пласту древнейших верований славянских (и других) народов, они являются важным элементом мифологических представлений, составляющих картину мира русских. Основным лесным персонажем народной демонологии является *леший* – дух-хозяин лесных угодий. Кроме *лешего* и его ситуативных (*боровик*, *лесовик*, *моховик*) или половых (*лешачиха*) модификаций, в лесу обитают другие представители лесной нежити: *лембои*, *лешаки*, *лесные девки*; а также *русалки* и *кикиморы* – персонажи, локализация которых связана не только с лесом, но также с водоемами или домашним пространством (подробнее см.: [1, с. 277–306, 448–464]). Мы остановимся на образе *лешего*, обосновав свой выбор его достаточной распространенностью в речи (в том числе в пословично-поговорочных речениях), а также в рассказах современной устной прозы (по этнографическим и фольклорным материалам).

В народной традиции дух – «хозяин» леса имеет много наименований: *лесной дедушка*, *лесной дядя*, *лесной хозяин*, *лесной царь*, *лесной житель*, *лесной мужик*, *лесной дух*, *лесной черт*, *лесовик*, *лесак*, *леший* и др. [2, с. 530; 3, с. 6; 1, с. 283]. Согласно полевым этнографическим материалам¹, среди сельских жителей (преимущественно старшего поколения) его

часто называют *лесным хозяином*. О духе леса говорят достаточно почтительно, нередко избегая слова *леший*, чтобы избежать встречи с ним. *Нельзя помянуть нечистую силу. Вспомнишь лешего, а он тут как тут появится*². *Нехорошо про лесного хозяина говорить, он может услышать*³. *Это слово (леший) как ругательство не надо говорить*⁴. В то же время для горожан, утративших представление о лесе как о сакрально опасном месте, слово *леший* перестало быть запретным, и именно это название лесного духа является самым распространенным.

По материалам этнографии и фольклора *леший* – хозяин леса, охраняющий свою территорию. В этом состоит его основная функция, его предназначение. Именно поведение человека в лесу чаще всего определяет отношение *лешего* к людям: доброе (как правило, нейтральное) или враждебное. *Лешего* обычно не характеризуют как злобное демоническое существо, тем не менее, *леший* считается опасным для человека, нередко его причисляют к нечистой силе. Он враждебен к людям, которые не соблюдают нормы экологического поведения в лесу: мусорят, шумят, занимаются вырубкой деревьев или охотятся «сверх всякой меры». *Леший* также не любит пьяных и тех, кто относится к нему «непочтительно». *Заходя в лес, нужно поздороваться с лесным хозяином, оставить ему угощение – кусок хлеба, сало, конфетку. Тогда в лесу легко, не за-*

¹ Полевые материалы О.В. Голубковой (ПМА) ИАЭТ СО РАН, собранные в Новосибирской, Омской обл., Алтайском крае, ЯНАО, ХМАО Тюменской обл., Кировской, Вологодской, Новгородской, Псковской обл. (2000–2014 гг.)

² ПМА: Новосибирская обл., Искитимский р-н, с. Нижний Коен, 2000.

³ ПМА: Новгородская обл., дер. Пятница, 2012.

⁴ Там же.

блудиться⁵. В лесу веди себя тихо – не кричи, не свисти, чтобы не разгневать лесного хозяина. Набрал грибов, ягоды, обязательно нужно что-нибудь оставить: кусочек хлебушка или пирожок. Любое угощение или хотя бы монетку положи. Тогда он покажет грибные и ягодные места⁶.

Леший осмысливается как первопричина блуждания по лесу: человек не может выбраться на дорогу, потому что лесной хозяин «замкнул» его невидимой чертой круга [3, с. 24]. Иногда леший шутит над людьми, делая это «без всякого злого умысла». Такие шутки обычно завершаются благополучно: стоит вывернуть наизнанку одежду или переобуться, как наваждение исчезает, и человек находит дорогу домой. Здесь используется магический прием «уподобления», поскольку считается, что леший, обладая способностью перевертываться, в облике человека узнаваем по ряду признаков, в том числе: «носит одежду навыворот», его ноги «вывернуты пятками наружу», благодаря чему он «оставляет перевернутые следы – правый слева, а левый справа»⁷. Кроме этого, у лешего зеленоватый цвет бороды и волос, синяя кровь и синеватый оттенок кожи, прозрачные (стеклянные) кости; он может быть корноухим, без бровей и ресниц [1; 2; 3]. С лесными духами связаны истории о подмене детей: вместо новорожденных младенцев (до крещения или до появления первых зубов) они подкладывали чурку или своего ребенка, а замороженные родители воспитывали «обменьща» до тех пор, пока он не убежал в лес. К лесным (или водяным) духам также попадали «проклятые» своими родителями дети. По этой причине существовал строгий запрет родителям посылать своих детей к лешему или черту [1; 2; 3].

Представления о лешем у русских в Сибири во многом совпадают с мифологическими воззрениями жителей Европейской России. Локальные различия, вероятнее всего, связаны с ландшафтной средой, этнокультурным взаимодействием с соседними народами, а также с уровнем сохранности традиционной культуры. Сегодня более актуально говорить о трансформации образа лешего, связанной с изменением культурной среды, мировоззрения, процессами урбанизации и утраты традиций.

Выясним, как соотносятся народные представления обсуждаемого персонажа и его словарное описание. Для этого обратимся а) к толковым словарям (синхронным и диахронным) и б) словарям лингвокультуры.

В «Толковом словаре» В.И. Даля единица леший не имеет самостоятельной словарной статьи, ее семантизация входит в культурный комментарий статьи Лес, в которой приведено подробное описание внешности лешего и его действий, из которых понятно, что он нейтрален по отношению к человеку: «лесной дух, пу-

гало, как домовогой, полевой, водяной; леший поет голосом без слов, бьет в ладони, свистит, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой, в волка, в филина, обходит путников и лесников, заставляя их плутать; избавляются от этого, надев все платье наизнанку; звери, особенно зайцы, в его ведении; их лешие проигрывают друг другу в карты и перегоняют из колка в колок. <...> Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесаны налево, кафтан запахивает направо, бровей и ресниц нет. Леший подходит греться к кострам, но прячет рожу <...>» [4, с. 279]. Думается, что такие зоны словарных статей выводят толкование слова за рамки филологического в область научно-практическую.

В Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова толкование единицы леший достаточно лаконичное и абстрактное: «в русской народной мифологии – сверхъестественное существо, живущее в лесу». Здесь же приведены примеры употребления этого слова: 1) «в знач. бранного» обращения к человеку: «куда лезешь, леший?», но не описана ситуация такого употребления, и 2) «К лешему! (поди, ну тебя и т.п.; бран. прост. вульг.). Какого лешего (нужно, пришел и т.п.; бран. прост. вульг.) – что (нужно), для чего (пришел). «Какого лешего тебе еще нужно!» [5, с. 54]. С.И. Ожегов указывает на антропоморфный вид лешего и его враждебность по отношению к человеку: «в славянской мифологии: сказочное существо, живущее в лесу, дух леса, враждебный людям» и также приводит конструкции «Иди ты к лешему!» (прост.). Какого лешего? (выражение досады; прост. бран.). Леший его знает! (кто его знает; прост.)» [6, с. 318]. В Большом толковом словаре С.А. Кузнецова достаточно большую часть статьи занимает описание лешего в русских народных поверьях: «у лешего верхняя половина тела человеческая, на голове козы уши, рога и борода; ниже пояса – козлиное туловище. Лешие – оборотни, могут являться зверем, птицей, собакой, кошкой, козлом, грибом, кустом, поводырем, ящичком, стариком. Любят заманивать в лес женщин, до которых особенно охочи. Поступки лешего непредсказуемы: то украдет ребенка, то сбережет от дикого зверя. Обиженным и убогим леший обычно помогает. Леший – хозяин не только леса и лесных зверей, но и лесных избушек, в которых останавливаются путники. Между лешими и медведями установились приятельские отношения. В знакомом лесу, днем встреча с лешим почти невозможна, нельзя только кричать, свистеть и громко, вызывая раздражение – это привлекает внимание лешего» [7, с. 115]. В Малом академическом словаре статья Леший – одна из самых небольших по объему: леший – «дух леса, его хозяин, враждебный человеку» [8, с. 180].

В лингвострановедческом словаре «Россия», который следует считать серьезным достижением отечественной лингвокультурной лексикографии, отсутствует статья Леший (входит в статью Лес и семантизируется как «сказочное существо русской языческой мифологии, дух леса» [9, с. 323]). Между тем основанием для

⁵ ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Васисс, 2005.

⁶ ПМА: Новосибирская обл., п. Мошково, 2013.

⁷ ПМА: Новосибирская, Омская, Тюменская (ЯНАО) обл., 2007, 2011.

попадания языковой единицы в словарь данного словаря, как пишут авторы, является наличие у нее национально-культурного фона (т. е. «некоторого набора дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем русским» [9, с. iv]).

Таким образом, словарные статьи толковых словарей в той или иной степени отражают образ *лешего* (внешность, типичные действия, отношение к человеку), дают представление о возможном употреблении данной единицы для характеристики человека, описания ситуации. Важно отметить, что обсуждаемые словарные статьи являются своего рода «сверткой» статей специализированных мифологических словарей, поэтому будем предполагать, что они не отражают современное представление о *лешем* носителей языка, т. е. они не в полной мере решают задачу, актуальную для современного человека: не только способствовать изучению культуры, но и ориентировать пользователя словаря на коммуникацию.

В словарях лингвокультуры, которые, по нашему мнению, должны семантизировать единицу *леший* как достаточно значимую для русской культуры, мы не нашли такой словарной статьи. В связи с этим считаем возможным предложить лексикографическую интерпретацию, используемую в конструируемом словаре лингвокультурной грамотности как новый метод лексикографической фиксации этнографической информации. Словарная статья при обозначенном методе лексикографирования отражает обыденные значения, наиболее актуальные для носителей языка, а также некий комплекс представлений, связанных с этими языковыми единицами (подробнее об этой концепции, а также о разработке макро- и микроструктуры словаря см.: [10]). Так, словарная статья состоит из следующих зон. Основные: 1. Заголовочная единица; 2. Обыденное значение, наиболее актуальное для русских (★); 3. Реализация в речи (☺); 4. Распространенные ассоциации (※); 5. Минимальная справочная информация (ℹ); и дополнительные зоны: дополнительная информация (✓); иллюстрация; частотные результаты.

Обратимся к опытному лексикографированию и продемонстрируем, как может быть семантизирована единица *леший* в словаре лингвокультурной грамотности. Для того чтобы определить: а) наиболее актуальные обыденные значения предложенных единиц, б) наиболее распространенные ассоциации носителей русской лингвокультуры, связанные с данными единицами, в) те компоненты значения этих единиц, которые обычно реализуются в речи, г) ситуативную характеристику их употребления, мы провели анкетирование.

Достижение заявленной цели обусловило определенную структуру анкеты и принципы анкетирования. При характеристике респондентов необходимо обозначить границы распространения анкетирования. Они зависят от целого ряда характеристик информантов, таких, как их возраст и пол, образование, профессиональная деятельность, идентификация с определенной социальной группой и т. п. Ю.Н. Караулов при состав-

лении «Русского ассоциативного словаря» разработал требования, предъявляемые к участникам анкетирования: 1) лица, для которых язык анкетирования является родным; 2) они должны быть городскими жителями, чтобы минимизировать влияние диалектов; 3) широкий территориальный охват испытуемых; 4) основной контингент испытуемых – студенты всех специальностей из вузов России в возрасте 17–25 лет [11, с. 753].

В нашем опросе участвовали 317 чел. из разных городов России⁸: Новосибирска (37%), Москвы (22%), Санкт-Петербурга (17%), Томска (11%), Омска (6%), Барнаула (5%), Тюмени (1%), Салехарда (1%). Основываясь на мнении Ю.Н. Караулова о том, что становление языковой способности завершается к 17–25 годам [11, с. 753], мы расширили круг респондентов по возрастному и социальному признакам. Информантами стали студенты разных факультетов вузов (21%), представители разных специальностей, имеющие высшее образование (53%), и разных сфер деятельности, имеющие среднее специальное образование (19%), пенсионеры (7%). В анкете предлагалось ответить на вопросы относительно возможных ассоциаций, понимания и использования единицы *леший*. Основываясь на ответах информантов, мы выявили, какую именно информацию о единице *леший* необходимо знать носителям языка и, следовательно, включать в словарь.

Кроме того, мы сделали некоторые дополнительные выводы:

1. В реакциях информантов не зафиксированы такие единицы, как *глухомань*, *манить*, *дремучий лес*, которые, по нашему мнению, могут отражать архетипическую память о лесе как о сакрально опасном пространстве и о лесных духах. В мифологическом мировосприятии *дрема*, *морок*, *сон* – это пограничное, переходное состояние между миром живых и миром мертвых. Наименование леса «дремучим» подчеркивает его опасность и враждебность для человека, выражает причастность к *иному миру*. *Дрему* и *морок* нередко насылают мифические лесные обитатели. В лесу совершались многие языческие обряды, из леса брали магические атрибуты. Персонажем, к которому апеллировали участники ритуалов, часто оказывался *леший* [3, с. 6]. Очевидно, из этой же области представлений происходит слово *глухомань*. Оно также может быть связано с лесными демонологическими персонажами, которые заманивают людей в глушь, в дебри леса – на погибель: *леший морочит голову, заманивает в дремучую чащу*⁹.

2. Образ *лешего* отчасти утратил ряд признаков, характеризующих его как могучего лесного властелина. Наряду с другими мифологическими персона-

⁸ Достаточно широкий территориальный охват оказался возможен благодаря Интернет-ресурсам. Подобная анкета не требует обязательного присутствия и фиксированного времени. Даже, наоборот, важно, чтобы полученные ответы были продуманными, осмысленными, что не всегда можно сделать при быстром заполнении анкет в присутствии исследователя.

⁹ ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Сосновка, 2009.

жами *леший* стал героем детских сказок, фильмов, мультфильмов и т. п., в связи с чем обрел новые черты, которые не всегда соответствуют традиционным представлениям. Важно учесть, что *леший* (как и *домовой*, *русалка*, *кикимора* и другие герои сюжетов нескладочной устной прозы) не отражен в классических русских народных сказках (в частности, в сборнике А.Н. Афанасьева). Скорее всего, этот факт можно объяснить тем, что еще в недавнем прошлом упомянутые персонажи считались не сказочными, а вполне реальными, в то время как волшебная сказка отражала более древний, ушедший в прошлое, пласт мифопоэтических воззрений. Поэтому, как показывает полевая практика, истории о *леших*, *домовых*, *водяных*, *русалках*, *кикиморах* и прочих персонажах обычно повествуются в жанрах быличек и бывальщин, претендующих на достоверность. Отголоски веры в существование *лешего* (и других персонажей) еще живы, причем достаточно широко распространены в сельской местности (за исключением *домового*, в которого по сей день верят многие горожане, оставляя ему угощение и пр.).

Согласно полевым этнографическим материалам, собранным в различных регионах России, представления о *лешем* широко распространены и достаточно популярны. За несколько лет было записано более 200 историй-быличек о *лешем*. Большинство из них повествуют о том, как *леший* водил по лесу самих информантов или их знакомых. На сибирском Севере распространен сюжет о подмене детей лесными духами. В ряде мест зафиксированы рассказы о «выкупе» заблудившейся скотины у *лешего*¹⁰. Известны былички о встречах с лешим в образе вихря, а также о знаках-пророчествах, которые *леший* подавал людям. *Дед ходил в лес, однажды рубил дрова. Вдруг поднялся сильный вихрь, кружит столбом вокруг него, мещает работать, а вокруг все тихо. Дед разозлился и кинул топором прямо в центр ветряного столба. Ему оттуда обратно топор выбросили, топор был в крови. Все прекратилось, вихрь рассыпался и кто-то рядом захохотал, но никого не видно. Дед понял, что это был леший. Вернулся домой и слег, а на следующую*

*ций день умер*¹¹. Некоторые люди и сегодня верят в существование *лешего* и, находясь в лесу, прибегают к магическим приемам обережной магии, стараются не нарушать неписанных правил «лесного царства», опасаются вспоминать *лесного хозяина*, чтобы не привлечь его внимания.

Приступая к опросу городских жителей, мы предполагали, что мифологический персонаж *леший*, переставший быть актуальным, окажется забытым или сильно измененным – под влиянием средств массовой интернациональной культуры. Однако данные опроса показали совершенно иную картину. Среди городского населения разных возрастных и социальных групп сохранилась не только память о *лешем*, но также и детали его традиционного образа. Среди них выделяются: зеленый цвет, высокий рост, представление о том, что *леший* лохматый, бородатый, обросший мхом, неопрятный (в лохмотьях), глухой, хромой, пугает страшными звуками в лесу, связан с лесом, деревом, пнем. Сохранилась память о том, что в лесу нельзя шуметь, что *леший* шутит, водит по лесу, запутывает дорогу, а также может наказывать охотников или браконьеров. В русской лексике закрепились идиоматические выражения: «Иди к лешему!», «Леший его знает!»

3. В ответах на вопросы анкеты городскими жителями не были отражены характеристики *лешего* (известные из работ В.И. Даля, С.В. Максимова, М.В. Власовой, Н.А. Криничной и других исследователей русской мифологии), такие как: громкий голос, смех, свист, хлопанье в ладоши, способность вызывать ветер и превращаться в вихрь. В то же время среди сельских жителей (согласно ПМА) все перечисленные признаки были зафиксированы неоднократно. Мы это объясняем, как уже говорилось выше, близостью сельских жителей к лесу и большей степенью сохранности традиционной культуры, включающей народные верования, в частности представления о *лесном хозяине*.

Таким образом, на основе этнографических материалов и результатов анкетирования, нами была составлена словарная статья *Леший*, которая отражает современные представления о мифическом духе леса.

ЛЕШИЙ

★ Дух, который живет в лесу и оберегает его от охотников или браконьеров, пугает тех, кто шумит. Сказочный персонаж. Хозяин леса. О заблудившихся в лесу людях говорят, что их «леший водит».

☺ Иди ты к лешему!

Леший его знает!

Обросший, как леший (о человеке с длинными волосами или бородой, который выглядит неопрятно).

✱ Лес, пень, зеленый, дедушка в лохмотьях, обросший мхом, добродушный, высокий, хромой, глуховатый, страшный.

👤 В русской мифологии – хозяин леса, покровитель диких животных и птиц. *Леший* может представлять в различных растительных, животных, человеческих и смешанных образах, может быть невидимым. *Лешему* приписываются многие лесные звуки, особенно вызываемые ветром. Он поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет. *Леший* может управлять ветром, превращаться в вихрь. Отношение к *лешему* двойственно: он одновременно и нечистая сила, и справедливый дух. *Леший* любит пошутить над

¹⁰ ПМА: Омская обл., Алтайский край, 2002, 2009.

¹¹ ПМА: Новосибирская обл., г. Болотное, 2013.

людьми: пугает хохотом, сбивает с пути. *Леший* может наказать человека за ненадлежащее поведение – за шум в лесу, жадность и браконьерство. Лесные духи могут похищать людей и скот. Считалось, что от *лесного хозяина* зависит удача на охоте и благополучный выпас скота. Охотники, пастухи, лесорубы, собиратели грибов и ягод оставляли в лесу на пнях угощение для *лешего*.

✓ Рост *лешего* может меняться по его желанию или в зависимости от окружающей растительности: в лесу он растет с самые высокие деревья, а на поляне – вровень с травой.

✓ *Лешего* в образе человека можно узнать по ряду признаков: зеленый оттенок волос и бороды, зеленоватое свечение глаз, синеватый оттенок кожи (потому что у него синяя кровь), отсутствие бровей и ресниц, он может быть остроголовым и иметь только одно ухо.

✓ Заблудившиеся в лесу люди, чтобы избавиться от наваждения, переодеваются, выворачивая наизнанку одежду и меняют обувь с левой ноги на правую, с правой – на левую.

Мифотворчество, являясь живым непрерывным процессом, органично вплетается в традиционные народные верования. Мифологические образы, связанные с ними символы и сюжеты проецируются в языковые выражения, расширяя, а иногда изменяя значения слов. Речь отражает мировосприятие народа, фиксирует происходящие в нем изменения. Совокупность этнографического, фольклорного и лингвистического материалов при комплексном подходе помогает определить степень трансформации мифологических образов, характерных для традиционной культуры, и выявить их роль в современной картине мира русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова М.Н. Русские суеверия: Энцикл. словарь. СПб.: Азбука, 1998. 672 с.
2. Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
3. Криничная Н.А. Лесные наваждения (мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» леса). Петрозаводск: КНЦ РАН ИЯЛИ, 1993. 52 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 2: И–О. 784 с.
5. Ушаков Т.С. Толковый словарь: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. 824 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. / публ. в авт. ред. СПб.: Норинт, 1998. 2009. 1536 с.
8. Малый академический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 750 с.
9. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2007. 736 с.

10. Ансимова О.К. Лингвокультура и ее отражение в словарях. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 216 с.

11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

REFERENCES

1. Vlasova M.N. Russian superstition: encyclopedic Dictionary. SPb.: Azbuka, 1998, 672 p. (In Russ.)
2. Dal' V.I. Beliefs, superstition and preconceptions russian people. M.: E'ksmo, 2008, 736 p. (In Russ.)
3. Krinichnaya N.A. The forest ghosts (mythological stories and beliefs of the spirit – forest «host»). Petrozavodsk: KNCZ RAN IYALI, 1993, 52 p. (In Russ.)
4. Dal' V.I. The explanatory dictionary living Great-Russian language: in 4 vol. M.: TERRA, 1994, vol. 2: I–O, 784 p. (In Russ.)
5. Ushakov T.S. The explanatory dictionary: in 4 vol. M.: TERRA, 1996, vol. 2, 824 p. (In Russ.)
6. Ozhegov S.I., Shvedova T.YU. The explanatory dictionary Russian language. M.: AZ", 1994, 928 p. (In Russ.)
7. Great Dictionary of the Russian Language / Chief-editor S.A. Kuznecov. 1-e izd.: SPb.: Noritt, 1998. Publ. in edit. red. 2009. 1536 p. (In Russ.)
8. Small Academic Dictionary of the Russian language: in 4 vol. / editor A.P. Evgen'eva. 4-e izd., ster. M.: Rus. yaz.: Poligrafresursy', 1999, vol. 2, 750 p. (In Russ.)
9. Russia. Big Dictionary of linguistic-land studies / under the general editorship YU.E. Prohorova. M.: AST-PRESS Kniga, 2007, 736 p. (In Russ.)
10. Ansimova O.K. Language culture and its reflection in dictionaries. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2014, 216 p. (In Russ.)
11. Karaulov YU.T. Russian language and linguistic identity. M.: Izd-vo LKI, 2010, 264 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.04.2015